

ПОГРАНИЧЬЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ЮГА: ПЕРЕСЕКАЯ ПРОСТРАНСТВА ВМЕСТЕ С АЙСУЛУУ, СТУДЕНТКОЙ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА

Анна Новикова

Университет Страны Басков, г. Бильбао, Испания
anna.nnovikova@gmail.com

Аннотация

В данной статье мы знакомимся с молодой девушкой из Кыргызстана и фрагментом ее истории. Айсулуу уезжает учиться в соседнюю страну, где в большом городе и в небольшом кампусе соприкасаются наши студенческие пути. Моя задача как исследовательницы заключается в том, чтобы оставить видимой агентность самого человека, идущего по своим дорогам жизни и пересекающего границы внутри и вне своих родных социальных миров – иногда опираясь на опыт близких людей, а иногда отталкиваясь от него, чтобы изменить траекторию. Айсулуу довелось не только передвигаться между лиминальностями приграничных городов, близких культур и внутрирегиональных разделений. Она также учится ориентироваться в хронотопах одного из транзитных этапов своей жизни: в момент нашей встречи, незадолго до пандемии, 18-летняя девушка выстраивает маршрут своего взросления и автономности.

Это текст-погружение, показывающий относительность шкал и важность микро-уровней для понимания глубинных человеческих и общественных процессов. Это текст-приглашение продолжать искать значимые контакты с другими регионами глобального Юга и глобального Востока, считать постсоциалистические параллели, пересечения и размежевания, а также не бояться локализовывать наверняка существующие пространства и пограничья, что кажутся еще не названными условными «колумбиями» и «америками» для тех, кто захватывает право пера и переименования. Другими словами, важно освобождающее взаимодействие с многослойными (полу)периферийностями, закрепленными глобальной колониальностью. Вопрос производства знания является здесь краеугольным и одной из «точек отсчета», систематически размывая которую можно надолго завязнуть в не-своих нарративах или в неконструктивных баттлах.

Ключевые слова: пограничье, деколониальный феминизм, производство знания, Центральная Азия, студенческая миграция, лиминальность.

Введение

В данной нарративной статье у читателя есть возможность познакомиться с героиней нашего времени по имени Айсулуу. Это не собирательный образ, а часть отдельной человеческой истории, которая в силу разных причин публикуется не под именем и не совсем от имени кыргызской девушки, которой в данный момент (спустя несколько лет с момента интервью) чуть больше двадцати.

В это непростое этически и политически время, тем не менее, я надеюсь, щедрое на конструктивные сомнения и плодотворные творческие муки, кажется, вполне себе назрел и местами прорвался запрос на то, чтобы писать и исследовать «по-другому». А как это «по-другому»? – зададимся вопросом и попробуем начертать красные линии самоэкзотизации и суперъорной дружости, которые помогут ориентироваться.

В первую очередь, так, чтобы это имело смысл – то есть хотя бы интуитивно-мысленно (если не практически) двигало нас к реальным социальным трансформациям и не напоминало бы переливания из пустого в порожнее или, модные нынче, дискурсивные бои без правил. И все же, не столько философский поиск этого смысла, сколько практическое и телесное «делать» / *making* наконец выводит нас из постсоветских лабиринтов на качественно новый, горизонтальный и разнонаправленный (а не линейно-прогрессивный) уровень и, рискну предположить, исторический момент, в котором многие почувствовали личную ответственность. В академических кругах эта ответственность, личная и разделяемая/коммунитарная, форм(ул)ируется дискурсивно и воплощается в практиках производства знания.

Материалы и методы

Методологические векторы и погружения, динамические эпистемологии и онтологическое позиционирование

Дизайн данной статьи демонстрирует осозанный отказ идти по накатанной: непременно предварять «данные» (где-то у кого-то взятой) теорией, затем категоризировать и/или подсчитывать,

чтобы, чаще всего либо подтвердить некую теорию, либо местами с ней (скромно) не согласиться, или же (еще более скромно) просто перечислить, что было сделано. «Данные» этой статьи рождаются в диалоге, доверии и неосуждении. Да, это интервью, которых, наверное, взято тысячи, но все-таки есть некоторые нюансы. Их я как раз и хочу уточнить в этой рубрике *postproduction*, где необходимо поговорить и о личной позициональности, и о методе «сбора и анализа данных».

В этом и в других биографических-нарративных интервью [1] я пытаюсь показать «многослойность» человека и его миров, веря, что подобная перспектива помогает понять социальную сложность (а также нашу взаимосвязь и взаимозависимость на планетарном уровне [2]), в которой люди тем не менее ориентируются и находят свой путь – как могут и в тех структурных условиях и личных ситуациях, в которых они оказались.

В то же время я выбираю прервать анализ не-моей реальности, отказываясь присоединиться к публикациям о так называемом «третьем» или «втором» мирах, которые, сколько бы ни старались согласно логике догоняющего развития, никогда не достигнут бастионов и образцов для подражания того самого «первого» – потому что правила этой игры определяются оттуда, из позиции власти и решений «над» (а не «с» теми, о ком идет речь). Тем, кто интересуется гендерными эпистемологиями и дискурсами в Центральной Азии, изнутри одной жизни и по касательной затронутые здесь, могут помочь сориентироваться работы Мадины Тлостановой [3], Светланы Шакировой [4], Рано Тураевой [5], Анастасии Липовка [6], Ольги Хан [7] и других исследовательниц.

Как «исследовательница» я, конечно, запускаю, некий нарративный процесс и, возможно, какие-то категории смыслов, вокруг которых строится (*linking*) или от которых отталкивается, чтобы пойти своим путем (*delinking* по Миньоло [8]) тот формат интервью/разговора, который здесь представлен. Я перечислю некоторые форматы интервьюирования и анализа, этически и методологически близкие моему пониманию работы с людьми и их судьбами. Некоторые из них напрямую связаны с центральноазиатским регионом, другие могут помочь выстраивать мосты и «глубинные коалиции» [9, 10].

Отталкиваясь от Центральной Азии и знания из/для региона, упомяну в первую очередь работу погруженных и неравнодушных антропологов, внимательных к пространству, границам и повседневности, например Мадлен Ривз [11] и Рано Тураевой [12]. Вдохновляющим примером, к чему стремиться при работе с маргинализированными сообществами и как писать совместно с информантами, является книга-опыт с пограничий американского континента «Декolonизируя этнографию: мигранты без документов и новые направления в социальных науках» [13], разрывающая оковы колониальных традиций производства знания. Отказываться от «белой логики, белых методов» [14] и активно включать локально значимые смыслы необходимо для «прерывания колониальности производства знания» [15] – что и делают в своих индивидуальных и совместных проектах Ивета Силова, Жужа Миллей и Нелли Пяттоева, исследовательницы в области образования, а также (пост)социалистического детства и памяти.

Освобождают исследователя и готовят читателя воспринимать менее «марсианскую» академическую литературу зачастую теоретики, выросшие из практиков: идущие индуктивно, не боящиеся проживать и концептуализировать травмы, работающие с эвокативным и, соответственно, не зачищающие текст от чувств и телесности. Так в динамичную позицию «уязвимого наблюдателя» осознанно становится Рут Бехар [16], а к «социологии опыта» через работу с молодежью из неблагополучных парижских районов обращается Франсуа Дюбет [17]. Интерпретативные социальные исследования, нарративность и сторителлинг с «исцеляющим эффектом» подробно описаны у Габриэль Розенталь [1, 18]. Артур Бохнер и Каролин Эллис идут еще дальше и в 90-е–ранние нулевые активно вводят в обиход социальных наук автоэтнографию [19, 20, 21, 22], валидируя ее как метод.

Отдельно отмечу представительниц чикана-феминизма: Шерри Морага и Глория Ансальдуа [23] в начале 80-х годов выпускают в мир книгу, образное название которой можно перевести как «Этот мост, что и есть моя спина». Вместе с другими авторками они пишут из своей корпоральности небелых женщин, буквально выводя «теорию из плоти» (*theory in the flesh*) [ibid; 23]. Книга посвящена «всем нашим матерям» за их *obediencia / obedience* и *insurrección / rebellion*, «которым они нас научили» [23]. Таким образом, в посвящении, написанном на испанском и английском языках, дважды выражается благодарность женщинам и матерям – за их «покорность и непокорность», которую они передали дочерям.

Возвращаясь, сделав круг обратно в регион и в близлежащие постсоветские/постсоциалистические пространства, нельзя не вспомнить Мадину Тлостанову [24],

писавшую о пограничьях и деколониальности во времена, когда последнее еще не стало модой, теряющей качество в погоне за количеством и, не побоюсь этого слова, «территориальностью». Невероятно радуют сегодня голоса и эпистемологии, предложенные коллективом авторов из разных, казалось бы, поколений и опытов, но с общими фантомными болями где-то в «лабиринтах современного постколониального дискурса» [25]. Антропологические (и не только) подходы к «миру Центральной Азии» (*Central Asian world*) и многогранные рефлексии вокруг отражены в недавней коллективной работе под редакцией Жан Фео де ла Круа и Мадлен Ривз [26]. Наконец, исследовательницы Жасмин Даль'Аньола и Айжан Шаршенова [27] объединились в редакторской работе, чтобы предложить непростой разговор о позициональности тех, кто сегодня пишет о Центральной Азии и так или иначе участвует в производстве знания о регионе.

Результаты

Айсулуу переехала в Алматы из Бишкека, который, казалось бы, находится совсем рядом – в 3-4 часах езды на машине или на маршрутке, пересекая границу между двумя центральноазиатскими государствами. Это ее первый год учебы в университете, и она только вступает во взрослую жизнь, материально все еще завися от родителей. Семью Айсулуу не назовешь ни очень бедной, ни богатой. Они живут в столице Кыргызстана, но никогда не были за границей, и Айсулуу рассказывает, что уже давно мечтают все вместе поехать в какое-нибудь путешествие. Ее отец – юрист, а мама – врач, и родители уделяют большое внимание образованию двух своих дочерей, старшая из которых – Айсулуу.

Когда приходит время выбирать, чему учиться и где, Айсулуу вместе с отцом посещает выставки по образованию и дни открытых дверей. Ее маме хотелось бы, чтобы она пошла по ее пути и изучала медицину, несмотря на то что это тяжелая и малооплачиваемая работа. Айсулуу убеждает ее, что медицина ей совсем не нравится, и следует совету отца, выбирая информационные технологии вместе с дополнительной специализацией в сфере бизнеса, надеясь на лучшие перспективы трудоустройства. Они исключают учебу в престижном Американском университете в Бишкеке из-за меньшего выбора специальностей, но также и потому что ей интересно попробовать «новую жизнь», не так близко к дому. Они также отказываются от варианта попытаться уехать учиться куда-то дальше за границу, например, в Южную Корею или Малайзию – типичные направления академической и трудовой миграции из Центральной Азии. Проведя уже полгода в Алматы, Айсулуу рассуждает, что это было верное решение, хороший компромисс, так как, если бы она уехала слишком далеко, возможно, «не справилась бы». Кроме того, ей удастся получить грант, что также является важным аргументом: высшее образование не должно стать слишком обременительным для семьи.

Первый семестр юной кыргызстанки в соседнем Казахстане прошел непросто, но сейчас уже стало легче, адаптация прошла. Айсулуу рассказывает, как постепенно привыкала жить вдали от семьи, как знакомилась с новыми людьми и расширяла свои контакты в кампусе, с какими выборами и сомнениями сталкивалась и как с ними справлялась. Она знает, что не может подвести семью, потеряв стипендию, и потому сосредоточилась (даже немного чересчур, признается) на учебе, стараясь контролировать свою социальную жизнь и внеурочные мероприятия – чтобы они не отнимали слишком много времени.

Пока еще рано говорить о том, что Айсулуу завела настоящих друзей в университете – «у меня даже не было на это времени», – но уже есть много хороших знакомых, с кем они иногда пересекаются на кухне в общежитии, общаются между занятиями или вместе что-то организуют. Главное, чтобы это были открытые, приятные люди и общение шло легко и непринужденно – как с ее лучшей подругой в Бишкеке, с которой «реально просто легко»:

Для меня важны простота, честность, т. е. я не люблю двуличных людей. А таких, к сожалению, я здесь что-то много встречала. Не знаю, все со всеми здороваются, улыбаются, а за спиной могут сказать, ой, какая-то она...нехорошая. Такое прям вообще не люблю. И может быть, ну вот не знаю, простых прямо таких людей люблю – в общении, с которыми прямо легко так закладывается. И таких веселых, нескучных и чем-нибудь интересующихся. Даже учебой кто интересуется, ну не прям таких ботаников, а чтобы активные...

Айсулуу замечает, что в общении с разными людьми, более и менее близкими, она переключается и «включает» те или иные свои качества «в нужной ситуации», как будто «с этой

стороны повернулась, потом с этой». Разные модусы и стратегии активировались и раньше: например, в своей семье она чувствует себя расслабленно и может быть самой собой, а с другими родственниками «более тихая, скромная» и особо не высказывает свое мнение. Эти переключения естественны, но при этом после переезда она ощутила какое-то раздвоение. Будто бы есть та бишкекская девочка – очень активная, которая «все время в чем-то участвовала, много передвигалась по городу, встречала знакомых постоянно», и тут появился другой, новый мир университетского кампуса и общежития – «более закрытый». Другие ее знакомые, тоже приезжие, переживают что-то подобное, разделяя жизнь на две части, два пространства:

Среди общажных, например, одно то, что мы учимся здесь, а типа живем там... Ну это по-любому как минимум две жизни, две стороны нас. Вообще вот эту фразу о том, что существуют две жизни, ну то есть университетская жизнь – это тяжело, потому что у вас есть две отдельные жизни в двух разных местах, – это фраза моей хорошей знакомой. Она сама казашка, из другого города, и учится здесь. И вот, да, ей тяжело. Она это тоже почувствовала – то, что я почувствовала. И я думаю, что это многим другим тоже знакомо. Дом, друзья, привычная жизнь, зона комфорта – все там [осталось].

Айсулуу наблюдает за казахскими девушками из Алматы и невольно сравнивает их с кыргызскими: есть аспекты, которые ее немного шокируют, и она отмечает культурные различия, которые объясняет через «воспитание». Многие из них курят и ведут себя развязно с парнями и на публике, что ей труднее представить в Кыргызстане.

Айсулуу начинает свои размышления со слов о том, что казахские девушки «более свободны», и заканчивает тем, что «в конце концов, парни выбирают хороших девушек в жены», приводя в качестве примера жен своих дядей. Семья важна для Айсулуу, и по ходу нашего разговора она несколько раз будет возвращаться к этой теме, хотя ее интересы вовсе не ограничиваются браком и семейной жизнью.

Незадолго до этого поворота разговора в сторону казахских и кыргызских девушек я как раз спрашивала Айсулуу, чувствует ли она себя здесь свободнее. Она смеется и кивает. Сравнивая свою повседневную жизнь до и после переезда, она подчеркивает, что здесь ей не нужно «отпрашиваться», чтобы выйти в магазин или на встречу с друзьями. Хотя признает, что и раньше все было не так уж строго, просто нужно было предупреждать родителей, чтобы они не волновались.

Айсулуу рассказывает, что в начале учебного года было много мероприятий для новоиспеченных студентов, которые начинались поздно и иногда проходили вне кампуса, где-то в клубе или в баре. Сначала ей нравились эти вечеринки, но спустя время она «потом уже как-то сама для себя [я] стала ограничивать» и «рамки <...> начала ставить». Айсулуу говорит о взрослении как о естественном процессе, где ты «становишься взрослым человеком» и можешь самостоятельно принимать решения, а также рассуждает о чувстве ответственности, которое раскрывается с разных сторон:

После 9 часов вечера обычно вечеринки, посвящения. Сначала я тоже туда ходила, но потом подумала, как голос разума. Ну это прикольно, мне нравится танцевать, ну все равно, потанцуешь часик, может быть два, и что, а потом что делать? Плюс еще деньги туда тратить, как-то тоже не хотелось. <...> Я владею своим бюджетом, я могу сама распределять его в какие-то разные русла и то, что эти деньги я могу потратить на что-то другое, более полезное и нужное для себя – вот это тоже сыграло роль.

Айсулуу говорит об ответственности перед собой и своей семьей. Она вспоминает свои проводы – семейный ужин перед отъездом из Бишкека.

И я все время думаю, как мне бабушка или дедушка говорили: Будь осторожна, заботься о себе. Даже если у тебя друзья захотят куда-то там пойти, все равно думай своей головой. Вот это все прямо проигрывалось в голове. Да, их слова точно очень сильно влияли, ну и какой-то свой тоже голос разума, ну это же все-таки моя жизнь. Если со мной что-то случится, то мне даже особо и помочь никто не сможет. <...> Поэтому как бы я должна думать о своей безопасности.

Размышляя об отношениях в своей семье и о воспитании детей в целом, Айсулуу говорит, что ей нравится, как ее воспитывали, и что ограничения, с которыми она сталкивалась, были необходимыми и не преувеличенными. Для нее важно, чтобы между родителями и детьми было доверие. Она приводит примеры других семей, где у дочерей, а также сыновей, было гораздо больше ограничений: они не могли никуда пойти по вечерам, им не разрешили учиться вдали от дома и, в

целом, в отношениях с родителями у них нет доверия. Обычно это родители, уточняет Айсулуу, у которых «очень старые, еще советские взгляды».

Она также упоминает, что некоторым родителям как будто бы все равно, и «ребенок вырастает как вырастает, все можно». А иногда случается, что дети (в том числе и она сама) не рассказывают родителям обо всем, дабы не расстраивать их и не «отвлекать своими историями», учитывая то, что большинству взрослых приходится много работать, чтобы выживать и решать насущные проблемы. Такое знание (сопровожаемое тревогой, стоит признать), многие дети в регионе приобретают с раннего возраста, и вместе с тем это то, что, как правило, учатся ценить.

Поддержка родителей очень важна – Айсулуу повторяет это несколько раз за время нашей беседы. Она считает, ей очень повезло, что она выросла в полной («полноценной») семье. Айсулуу рассуждает об этом как о привилегии, вспоминая, что однажды она задумалась и поняла, что среди ее подружек-одноклассниц (5-6 девочек) она единственная, у кого «есть отец». Но, по ее словам, «они выросли нормальными» и, возможно, смогли компенсировать отсутствие отцов тем, что рядом с ними были дяди и братья, и конечно, мамы. Ее подруга общается со своим отцом, который женился на другой женщине, только по телефону, и это скорее формальные разговоры: «Он просто звонит, спрашивает, сколько денег перекинуть, чисто финансовые вопросы». Айсулуу вспоминает слова своей подруги, которая, как она сама говорит, по сути и не знает, «каково это нормально общаться со своим отцом», но, что в итоге даже и предпочитает так: «и не хочется» и «[так] даже комфортно». Айсулуу резюмирует, что поддержку и доверие, в которых нуждается каждый, пожалуй, можно получить через разные «каналы»: «кто не находит этого в семье, наверно получает от друзей больше, а с родителями меньше близости».

Что касается ее отношений с родителями, Айсулуу рассказывает, что ее мать более строгая, и отмечает, что по ее наблюдениям отцы обычно ведут себя строже с мальчиками, а матери – наоборот. Тот факт, что мама была с ними рядом в раннем детстве и поначалу помогала с уроками, дало ей «толчок» и «сильную базу»: «Потом она уже не вмешивалась, я уже сама ответственность брала». Айсулуу повторила бы эту модель в своей собственной семье: «Сначала я уделяю внимание, учу, а потом они уже сами будут».

Когда дочери немного подросли, мама вышла на работу, и многие домашние дела выполняла Айсулуу с какой-никакой помощью младшей сестренки. Айсулуу училась тогда в специализированной школе с уроками балета, где, по ее словам, ее самооценка сильно упала, и она «замкнулась в себе». Ее физическая форма не была идеальной для балета, поэтому на занятиях ее ставили далеко не в первую линию. Она вспоминает, что лишь однажды преподавательница «дошла до этого конца» и что-то подкорректировала: «И вот этот момент я очень сильно запомнила, потому что впервые она мне что-то сказала».

Хотя она не жаловалась родителям, они замечали, что девочка стала очень замкнутой, поэтому в конце концов было решено перевести ее в другую школу. Там она подружилась с очень общительной девочкой, которая «действительно изменила» ее и «раскрыла»; ее родители также согласны, что эта дружба помогла их дочери. Как раз на последних каникулах Айсулуу говорила с мамой об этих и других изменениях в своей личности и пришла к выводу, что преодоление той ситуации с балетом помогает ей справляться с другими ситуациями, которые теперь кажутся ей «не такими большими». Айсулуу думает, что после того случая она стала «более сильная» (а иначе была бы «более слабая морально»), «более упертая, более трудолюбивая». Она также считает, что отъезд на учебу в соседнюю страну позволил ей взглянуть на какие-то вещи с некоторого расстояния – то, что возможно не случилось бы, останься она в Бишкеке.

Я открываю для себя еще одну важную грань Айсулуу, когда «зацепляюсь» за то, что она упоминает невзначай, словно не придавая этому особого значения. Нам удастся выстроить увлекательную ветку разговора, затронув тему волонтерства – одного из многих миров Айсулуу, среди которых она перемещается и с которыми взаимодействует. Будучи старшеклассницей, она состояла в нескольких молодежных организациях, которые помогали детям с ограниченными возможностями и воспитанникам детских домов. Ребята также организовывали культурные и спортивные мероприятия, используя их для сбора средств, и таким образом она смогла увидеть «внутреннюю кухню», развить навыки планирования и умение договариваться, училась «заранее все делать, заранее все обговаривать с людьми».

Волонтерская работа очень мотивировала ее, в том числе, потому что она увидела людей в очень непростых ситуациях и с ограниченными возможностями, но при этом открытых миру и не таящих обид:

Я видела, что даже не имея возможности, люди улыбаются, они дружелюбные. И я начинала думать, что у меня есть руки-ноги, я не болею... Это мотивировало меня.

Позже ее лучшая подруга и младшая сестра также присоединились к волонтерской деятельности («я [их] притащила туда»), и этот опыт помогает им стать более самостоятельными и уверенными в себе, отмечает Айсулуу. Она считает, что важно иметь другое пространство, помимо школы. На примере своей сестры она видит, что это возможность стать «более открытой, более подготовленной к жизни, к новым этапам жизни». Многие «более ответственными, более человечными становятся», а кто-то там же и остается работать, реализуясь профессионально.

В разговоре с Айсулуу мы также затронули некоторые вопросы, связанные с гендерными ролями в семье, женщинами в Кыргызстане, религией, государством и революциями, неравенством и социальными трансформациями.

Я не хочу слишком подробно останавливаться на этих более политизированных аспектах, чтобы избежать предвзятых интерпретаций «извне», которые очень легко сделать, особенно если кто-то работает или обучался в «западной парадигме» и едва ли замечает следы глобальной колониальности. Молодые люди из Центральной Азии, с которыми мне посчастливилось познакомиться, не заслуживают такого отношения: чтобы их слова, вырванные из контекста, использовались бы для «обоснования» некоторых гегемонистских идей и предвзятых образов людей и целых регионов, которые либо малоизвестны, либо заведомо отнесены к категории проблемных (что, к сожалению, является одним из основных нарративов о Центральной Азии, частично впитанным и воспроизводимым также «изнутри»).

Айсулуу доверила мне некоторые части истории своей матери и бабушки. По тому, как она их рассказывает, можно проследить, что сохраняет и как трансформируется общество, в котором жили и живут три кыргызские женщины, принадлежащие к разным поколениям одной семьи. Я читаю между строк и понимаю, о чем говорит Айсулуу, осознавая при этом, что скорее всего некоторые прогрессивные, скорее белые или «стремящиеся к белости» женщины просто отреагировали бы с неприятием и превосходством на некоторые ее фразы, зафиксировав позицию Айсулуу как отсталую и обусловленную патриархальным обществом, в котором она выросла.

Айсулуу не останавливается в своих размышлениях и, пусть даже не имея для себя однозначных ответов, разбирается что к чему «на практическом уровне» и без помощи патерналистских теорий эмансипации. Она опирается на опыт своей семьи, который она слушала и впитывала, наблюдала и перерабатывала на протяжении всей своей жизни, а также на свои собственные уроки. Это неформальные знания, которые зачастую остаются незамеченными или оказываются вычеркнутыми из невидимой иерархии знания за пределы (пост)модерности, но это, несомненно, опыт, являющийся частью знания, которое люди приобретают, перенимают, адаптируют и продолжают передавать другим – такая мощная и способная к преобразованиям человеческая цепочка.

Бабушке Айсулуу пришлось выйти замуж за ее дедушку по сути потому, что он ее обманул: приехал на машине с друзьями, чтобы вместе поехать в кино, а вместо этого отвез ее к себе домой, чтобы представить семье как выбранную невесту (эта практика называется *ала качуу*), тогда как «у нее не было выбора», говорит ее внучка. Советская дискотека (вечер танцев), где они познакомились неделей раньше, и местная традиция брака пересекаются в жизни женщины, которая дает жизнь еще четырем людям, доходя до Айсулуу, которая сегодня говорит: «Сейчас есть выбор – развестись». Пока Айсулуу сегодня видит альтернативы, занимает активную позицию, реализует свою агентность, так или иначе перерабатывая все, что воспринимает, принимая решения и договариваясь, когда необходимо, – думаю, она справится без внешней активистской или экспертной помощи тех, кто готовы разбирать по косточкам и классифицировать, где она права, а где ей необходима нормализация по очередным канонам.

Мать Айсулуу уже прокладывала для нее этот путь, научившись жонглировать ролями «традиционной женщины» и «эмансипированной советской женщины». Выйдя замуж, она вместе с мужем переехала жить к его семье (что традиционно делалось и еще практикуется в первые годы семейной жизни молодоженов). Она заботилась о домашнем хозяйстве и о старших родственниках, но и семья также помогала ей присматривать за двумя девочками. Мама

Айсулуу очень уставала и вынуждена была заниматься по вечерам, после того как все уберет на кухне. Она мало спала, пока готовилась к защите диссертации по медицине, рассказывает ее дочь. Как только появилась возможность, она вышла на работу, чтобы не засиживаться дома, а также потому, что семья вернулась в столицу и нужны были деньги на собственное жилье.

На сегодняшний день у Айсулуу сложился образ сильной женщины, и она много говорит о способности преодолевать (резильентности), о силе духа и об эмоциональном интеллекте. Она считает, что девушки психологически сильнее, в то время как «мужчины просто сдаются или спиваются». Другой случай, более близкий к ее поколению, это пример жены ее дяди. У нее была своя танцевальная студия в Бишкеке, но когда они поженились, то тоже перебрались жить к его семье в сельскую местность. В первые годы девушка занималась домом как келин и родила двух дочерей. Сейчас она продолжает учиться заочно и приезжает в столицу на сессии. В селе она преподает девочкам танцы, возит их на соревнования. Айсулуу рассказывает:

Конечно, она устает. Но ей нравится такая жизнь насыщенная. Как мне кажется, девушка сможет совмещать это все, если она не выбирает слишком традиционную семью, и муж поддерживает, и родители мужа поддерживают. Потому что все равно во многих семьях такая традиция, что надо хотя бы первые два-три года пожить с родителями мужа. Ну, за это время, может быть, девушке надо перетерпеть, заниматься пока детьми, а потом, когда дети чуть-чуть подрастут, она может пойти работать и дальше продолжать своим заниматься.

Айсулуу видит возможности, думает о сотрудничестве, невольно и осознанно определяет стратегии жизни и выживания в своем обществе, в то время как программы внешних интервенций и индикаторы развития зачастую обещают радикальные изменения, предлагая решительно порвать с местным контекстом, который человек не хочет или не может просто так покинуть/оставить позади. Когда Айсулуу будет выбирать себе мужа, она знает, на что обратить внимание:

Понаблюдала бы за ним, как он себя ведет, смогу ли я с ним находиться долго, всю жизнь провести. Мне все быстро надоедает. Его родители, его отношения с семьей, смотрела бы на это. Смотрела бы со стороны на него, а не то, как он себя преподносит.

Образ ее отца играет важную роль для нее, и в идеале будущий муж должен быть похож на ее папу, с которым ей хотелось бы, чтобы они нашли общий язык и подружились. Айсулуу кажется, что за последний год, что она живет отдельно, ее семья стала сплоченнее. Когда она приезжает на каникулы и длинные выходные, они стараются вместе отправиться на экскурсию или в поход на природу, обмениваясь впечатлениями и рассказывая друг другу о том, что происходит в их жизни.

Когда я спрашиваю Айсулуу, что такое счастье для нее, что делает ее счастливой, она надолго задумывается. Задаю «вспомогательный» вопрос, какой она видит себя лет через десять. Тогда Айсулуу называет важные для нее вещи: чувствовать себя реализованной, чтобы ее работа имела смысл и нравилась ей, люди вокруг нее и мотивация что-то делать, ее семья и не жить в нужде. Она воспринимает себя как ответственного, эмпатичного и равнодушного человека, трудолюбивого, активного и открытого всему новому. «Она родилась с чувством справедливости», – так в семье говорят о ней. А вот и ее слова, ее самовосприятие: «Я люблю заступаться за других людей» и «Я упрямая». Она чувствует себя патриоткой и не хотела бы покидать свою страну, где видит много несправедливости и того, что необходимо менять. Ей хотелось бы внести свой вклад в позитивные трансформации.

На этом мы прощаемся с Айсулуу, пусть все у нее сложится хорошо.

Обсуждение

Моя работа с Айсулуу выстраивалась не из идеально ровных горизонтальных отношений, но из личной и исследовательской позиции, максимально стремящейся к горизонтальности и транспарентности. Будучи старше лет на десять, я попадаю в ее околостуденческий мир тоже как студентка, но уже как аспирантка. В отличие от некоторых других моих собеседников и собеседниц из Центральной Азии, Айсулуу легко и быстро переходит на «ты», что я понимаю как сигнал доверия и ее ощущения нашей не столь уж большой разницы в возрасте, статусе и т. д. Время от времени мы пересекаемся в кампусе одного из алматинских университетов и вместе ходим на уроки казахского языка. Как-то раз пропустив занятие, я прошу у нее конспекты и упражнения, чтобы догнать материал. А в другой раз спрашиваю, согласится ли она дать мне интервью. Обращаясь к ней и к другим знакомым ребятам, я говорю им, что пишу работу о молодежи Центральной Азии, что у большинства вызывает восторг и желание поучаствовать – они словно осознают свое право репрезентации и свой голос как один из легитимных голосов.

Наши разговоры один на один длятся обычно пару часов, с Айсулуу и еще с несколькими девушками мы проговорили почти три. Я прошу их рассказать об учебе и других интересах, о выборе профессии и принятии решения, о переезде и адаптации, о взаимоотношениях с другими студентами, культурных особенностях, социальных различиях и прочих моментах, которые они проживают и которыми хотят поделиться. Мы много говорим о семье, их ранней социализации и взрослении, о мечтах, планах, рассуждениях о жизни и о будущем. Иногда я спрашиваю их мнение по каким-то чуть более острым социально-политическим вопросам или могу задать уточняющие вопросы, но никогда не увожу их в плоскость того «как правильно» и «как надо».

Мне кажется, моим со-исследователям импонирует ощущение агентности и личного авторства в «общественной» актуальной истории. Они ощущают себя частью и легко перенимают экспертность: эксперт там точно не я, хотя что-то понимаю о регионе и постсоветских поколениях. Я ощущаю, что, соглашаясь на интервью и в процессе нашего взаимодействия, они испытывают признание и гордость от того, что могут говорить от своего лица и вести меня, выступать проводниками в этом процессе. Роли будто перевернулись и, как мне кажется, возможная асимметричность словно качнулась, опрокинулась вверх тормашками и более-менее стабилизировалась как диалог равных: *peers-to-peers*. Для многих возможность поговорить, поразмышлять и проговорить какие-то ситуации становится терапевтической, что сами ребята с благодарностью отмечают в конце интервью, выдохнув или смеясь.

Поскольку большое внимание уделяется авторству, агентности и обмену практически *peers-to-peers*, мне хочется верить, что в ходе этой этнографической коллаборации были, по сути, преодолены возможные перекосы отношений власти. Те самые асимметричные отношения, которые витают в воздухе, когда Исследователь идет в Поле и изучает... Объекты Своего Исследования. Объективация происходит, к сожалению, уже на стадии формулировки проекта, вопросов, а также в ходе интеракции с «субъектами», зачастую превращаемыми в «объекты». Иногда «объекту» удается «рассказать» «свою историю» или поделиться «своим опытом», который потом «анализируется».

Пожалуй, здесь стоит оговориться, что у меня нет ответа как правильно и тем более я не хочу подкармливать какую бы то ни было нормативность, но я пытаюсь – методом проб и ошибок, а также с благодарностью опираясь на тех, кто еще раньше пытались проторить эти дорожки – не делать так, как стало уже понятно, что лучше не делать. Ведь можно стараться не воспроизводить неравенства, иерархии и прочие формы эпистемологического насилия [28] как в процессе исследования, так и «по результату» – например, увековечивая клише и стереотипы, от которых, без преувеличения, веками не могут отделаться целые регионы, народы, те или иные группы населения или «сгруппированные» исследователями категоризированные общности [29; 7]. Можно пытаться не бежать впереди паровоза с чуж(д)ой (возможно, и нет, но точно не единственно легитимной в силу априорной значимости, громкости или «западности») теорией [30], забывая, что там, откуда «взят материал» (*extracted, just as any other resources*), **тоже могут** [31] мыслить и оформлять в идеи и практики свою непростую повседневность или, другими словами, *everyday life and struggles*. Можно, наконец, оглядываться, перепроверять, по необходимости возвращаться, перепроживать, переспрашивать, задавать иные вопросы, по возможности отказываться ходить строем и не бояться сойти с пути в нелегком *learning to unlearn and relearn*-инге [32]. Последняя фраза на английском языке – это отсылка к деколониальной мысли и практике, описанной в упомянутой книге Глостановой и Миньоло; суть ее в том, чтобы «учиться разучиваться и учиться снова/заново», при этом, не только формально, но и от самой жизни, глубоких и искренних взаимоотношений и корпорального опыта.

Мы с моей коллегой по (само)исследованию, названной здесь Айсулуу, не можем преодолеть все структурные барьеры и опубликовать фрагмент ее жизни от ее имени, но по крайней мере я постаралась сделать этот исследовательский процесс как можно менее инвазивным и не претендовала расставлять «авторские» акценты там, где не мне судить.

Заклучение

Это небольшое погружение и *caminar junto a* (шагать вместе с, неподалеку от) Айсулуу, как мне кажется, может послужить важным «открытием» или (само)утверждением в первую очередь для ее современниц и ровесниц, проживающих подобные процессы и проходящих разные границы и транзитности. Очень важными поддерживающими практиками являются не только самоочтение и личные рефлексии, но и «отражения», которые можно найти в зеркалах сестерств / *sisterhoods*, а также межпоколенческие нити.

Воспитание, сепарация и взросление; миграции, движения, социальные лестницы и иерархии; осознание гендерных ролей, сопротивление и адаптация к ним; классы, границы, сообщества, исключенности и включения; обучение и знания, узнавание и распознавание, сочувствие и со-знание. Это лишь некоторые «темы», которые можно зачерпнуть из колодца этого текста, прочувствовать, переосмыслить или вернуть в поле. На мой взгляд, этот текст уходит в просторы / *campos* / *fields* более чем актуальных вопросов педагогического образования и социогуманитарных наук.

А еще – он жизнеутверждающ, а не наоборот.

Список литературы

1. Rosenthal, Gabriele. 2018. *Interpretive Social Research: An Introduction*. Göttingen: Göttingen University Press.
2. Pratt, Mary Louise. 2022. *Planetary Longings*. Durham: Duke University Press.
3. Глостанова М.В. (2009). Деколониальные гендерные эпистемологии. 2009. М.: Маска.
4. Шакирова С. (2017). Гендерные исследования как часть большого политического проекта: взгляд из Казахстана. *Перекрестки* (1–2):153–63.
5. Turaeva, Rano. 2021. ‘Women in Central Asia: Decolonizing Gender Studies’. Pp. 501–32 in *European handbook of Central Asian studies: history, politics, and societies*, edited by J. van den Bosch, A. Fauve, and B. de Cordier. Stuttgart: Ibidem.
6. Lipovka, Anastasia. 2018. ‘The Female Face of Academia in Kazakhstan: Attrition among Male Staff’. Pp. 122–39 in *Engendering difference: sexism, power and politics*, edited by M. Gadpaille, V. Kondrič Horvat, and V. Kennedy. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
7. Khan, Olga. 2022. ‘Analysis of the Theme of Motherhood in Contemporary Uzbek Cinema’. *Bulletin of Kazakh National Women’s Teacher Training University* (4):39–46. doi: [10.52512/2306-5079-2022-92-4-39-46](https://doi.org/10.52512/2306-5079-2022-92-4-39-46).
8. Mignolo, Walter. 2007. ‘Delinking: The Rhetoric of Modernity, the Logic of Coloniality and the Grammar of De-Coloniality’. *Cultural Studies* 21(2–3):449–514. doi: [10.1080/09502380601162647](https://doi.org/10.1080/09502380601162647).
9. Lugones, María. 2003. *Pilgrimages = Peregrinajes: Theorizing Coalition against Multiple Oppressions*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield.
10. Lugones, María. 2008. ‘The Coloniality of Gender’. *Worlds & Knowledges Otherwise* 2(2).
11. Reeves, Madeleine. 2016. ‘Sled, traektoriya, tochka davleniya: kak pereosmyslit’ “regional’nye issledovaniya” v epokhu migratsiy’. *Antropologicheskii Forum* 28:97–116.
12. Turaeva, Rano. 2022. ‘Everyday Life’. in *A Critical Reader in Central Asian Studies: 40 Years of Central Asian Survey*, edited by R. Isaacs. London: Routledge.
13. Alonso Bejarano, Carolina, Lucia López Juárez, Mirian A. Mijangos García, and Daniel M. Goldstein. 2019. *Decolonizing Ethnography: Undocumented Immigrants and New Directions in Social Science*. Durham: Duke University Press.
14. Zuberi, Tukufu, and Eduardo Bonilla-Silva, eds. 2008. *White Logic, White Methods: Racism and Methodology*. Lanham Boulder New York Toronto Plymouth, UK: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
15. Silova, Iveta, Zsuzsa Millei, and Nelli Piattoeva. 2017. ‘Interrupting the Coloniality of Knowledge Production in Comparative Education: Postsocialist and Postcolonial Dialogues After the Cold War’. *Comparative Education Review* 61(S1):S74–102.
16. Behar, Ruth. 1996. *The Vulnerable Observer: Anthropology That Breaks Your Heart*. Boston: Beacon Press.
17. Dubet, François. 2010. *Sociología de la experiencia*. Madrid: Editorial Complutense Centro de Investigaciones Sociológicas.
18. Rosenthal, Gabriele. 2003. ‘The Healing Effects of Storytelling: On the Conditions of Curative Storytelling in the Context of Research and Counseling’. *Qualitative Inquiry* 9(6):915–33. doi: [10.1177/1077800403254888](https://doi.org/10.1177/1077800403254888).
19. Bochner, Arthur P. 2005. ‘Surviving Autoethnography’. *Studies in Symbolic Interaction* 28:51–58. doi: [10.1016/S0163-2396\(04\)28008-5](https://doi.org/10.1016/S0163-2396(04)28008-5).
20. Bochner, Arthur P. 2012. ‘On First-Person Narrative Scholarship: Autoethnography as Acts of Meaning’. *Narrative Inquiry* 22(1):155–64. doi: [10.1075/ni.22.1.10boc](https://doi.org/10.1075/ni.22.1.10boc).
21. Bochner, Arthur P., and Carolyn Ellis. 1992. ‘Personal Narrative as a Social Approach to Interpersonal Communication’. *Communication Theory* 2(2):165–72. doi: [10.1111/j.1468-2885.1992.tb00036.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.1992.tb00036.x).
22. Ellis, Carolyn, and Leigh Berger. 2001. ‘Their Story/My Story/Our Story: Including the Researcher’s Experience in Interview Research’. Pp. 848–75 in *Handbook of Interview Research*, edited by J. Gubrium and J. Holstein. Thousand Oaks California: SAGE Publications, Inc.
23. Moraga, Cherrie, and Gloria E. Anzaldúa, eds. 1981. *This Bridge Called My Back: Writings by Radical Women of Color*. Watertown, MA: Persephone Press.

24. Тлостанова М. (2012). Исследования пограничья \ vs. пограничное со(знание), мышление, творчество. Вопросы социальной теории. 6: 63–80.
25. Бисенова А. (ред.) (2023). *Qazaqstan_ Қазақстан, قازاقستان*: лабиринты современного постколониального дискурса. Алматы: Целинный. – 467 с. ISBN 978-601-06-7303-8
26. Féaux de la Croix, Jeanne, and Madeleine Reeves, eds. 2024. *The Central Asian World*. London New York: Routledge.
27. Dall’Agnola, Jasmin, and Aijan Sharshenova, eds. 2024. *Researching Central Asia: Navigating Positionality in the Field*. Cham: Springer Nature Switzerland.
28. Spivak, Gayatri Chakravorty. 1988. ‘Can the Subaltern Speak?’ Pp. 271–313 in *Marxism and the Interpretation of Culture*, edited by C. Nelson and L. Grossberg. Urbana: University of Illinois Press.
29. Pfaff-Czarnecka, Joanna. 2013. ‘Multiple Belonging and the Challenges to Biographic Navigation’. *MMG Working Paper* 13–05:7–32.
30. Mignolo, Walter. 2012. *Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking*. Princeton, N.J.; Woodstock: Princeton University Press.
31. Tlostanova, Madina. 2015. ‘Can the Post-Soviet Think? On Coloniality of Knowledge, External Imperial and Double Colonial Difference’. *Intersections* 1(2):38–58. doi: [10.17356/ieejsp.v1i2.38](https://doi.org/10.17356/ieejsp.v1i2.38).
32. Tlostanova, Madina, and Walter Mignolo. 2012. *Learning to Unlearn: Decolonial Reflections from Eurasia and the Americas*. Columbus: Ohio State University Press.

References

1. Rosenthal, Gabriele. 2018. *Interpretive Social Research: An Introduction*. Göttingen: Göttingen University Press.
2. Pratt, Mary Louise. 2022. *Planetary Longings*. Durham: Duke University Press.
3. Tlostanova, Madina. 2009. *Dekolonial’nye gendernye epistemologii [Decolonial gender epistemologies]*. Moscow: Maska. [in Russ.]
4. Shakirova, Svetlana. 2017. ‘Gendernye issledovaniya kak chast’ bol’shogo politicheskogo proekta: vzgliad iz Kazakhstana’ [Gender studies as part of a large political project: a view from Kazakhstan]. *Perekrestki* (1–2):153–63. [in Russ.]
5. Turaeva, Rano. 2021. ‘Women in Central Asia: Decolonizing Gender Studies’. Pp. 501–32 in *European handbook of Central Asian studies: history, politics, and societies*, edited by J. van den Bosch, A. Fauve, and B. de Cordier. Stuttgart: Ibidem.
6. Lipovka, Anastasia. 2018. ‘The Female Face of Academia in Kazakhstan: Attrition among Male Staff’. Pp. 122–39 in *Engendering difference: sexism, power and politics*, edited by M. Gadpaille, V. Kondrić Horvat, and V. Kennedy. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
7. Khan, Olga. 2022. ‘Analysis of the Theme of Motherhood in Contemporary Uzbek Cinema’. *Bulletin of Kazakh National Women’s Teacher Training University* (4):39–46. doi: [10.52512/2306-5079-2022-92-4-39-46](https://doi.org/10.52512/2306-5079-2022-92-4-39-46).
8. Mignolo, Walter. 2007. ‘Delinking: The Rhetoric of Modernity, the Logic of Coloniality and the Grammar of De-Coloniality’. *Cultural Studies* 21(2–3):449–514. doi: [10.1080/09502380601162647](https://doi.org/10.1080/09502380601162647).
9. Lugones, María. 2003. *Pilgrimages = Peregrinajes: Theorizing Coalition against Multiple Oppressions*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield.
10. Lugones, María. 2008. ‘The Coloniality of Gender’. *Worlds & Knowledges Otherwise* 2(2).
11. Reeves, Madeleine. 2016. ‘Sled, traektoriya, tochka davleniya: kak pereosmyslit’ “regional’nye issledovaniya” v epokhu migratsiy’. *Antropologicheskoy Forum* 28:97–116.
12. Turaeva, Rano. 2022. ‘Everyday Life’. in *A Critical Reader in Central Asian Studies: 40 Years of Central Asian Survey*, edited by R. Isaacs. London: Routledge.
13. Alonso Bejarano, Carolina, Lucia López Juárez, Mirian A. Mijangos García, and Daniel M. Goldstein. 2019. *Decolonizing Ethnography: Undocumented Immigrants and New Directions in Social Science*. Durham: Duke University Press.
14. Zuberi, Tukufu, and Eduardo Bonilla-Silva, eds. 2008. *White Logic, White Methods: Racism and Methodology*. Lanham Boulder New York Toronto Plymouth, UK: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
15. Silova, Iveta, Zsuzsa Millei, and Nelli Piattoeva. 2017. ‘Interrupting the Coloniality of Knowledge Production in Comparative Education: Postsocialist and Postcolonial Dialogues After the Cold War’. *Comparative Education Review* 61(S1):S74–102.
16. Behar, Ruth. 1996. *The Vulnerable Observer: Anthropology That Breaks Your Heart*. Boston: Beacon Press.
17. Dubet, François. 2010. *Sociología de la experiencia*. Madrid: Editorial Complutense Centro de Investigaciones Sociológicas.
18. Rosenthal, Gabriele. 2003. ‘The Healing Effects of Storytelling: On the Conditions of Curative Storytelling in the Context of Research and Counseling’. *Qualitative Inquiry* 9(6):915–33. doi: [10.1177/1077800403254888](https://doi.org/10.1177/1077800403254888).

19. Bochner, Arthur P. 2005. 'Surviving Autoethnography'. *Studies in Symbolic Interaction* 28:51–58. doi: [10.1016/S0163-2396\(04\)28008-5](https://doi.org/10.1016/S0163-2396(04)28008-5).
20. Bochner, Arthur P. 2012. 'On First-Person Narrative Scholarship: Autoethnography as Acts of Meaning'. *Narrative Inquiry* 22(1):155–64. doi: [10.1075/ni.22.1.10boc](https://doi.org/10.1075/ni.22.1.10boc).
21. Bochner, Arthur P., and Carolyn Ellis. 1992. 'Personal Narrative as a Social Approach to Interpersonal Communication'. *Communication Theory* 2(2):165–72. doi: [10.1111/j.1468-2885.1992.tb00036.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.1992.tb00036.x).
22. Ellis, Carolyn, and Leigh Berger. 2001. 'Their Story/My Story/Our Story: Including the Researcher's Experience in Interview Research'. Pp. 848–75 in *Handbook of Interview Research*, edited by J. Gubrium and J. Holstein. Thousand Oaks California: SAGE Publications, Inc.
23. Moraga, Cherrie, and Gloria E. Anzaldúa, eds. 1981. *This Bridge Called My Back: Writings by Radical Women of Color*. Watertown, MA: Persephone Press.
24. Tlostanova, Madina. 2012. 'Issledovaniya pogranič'ya/ vs. pograničnoe (so)znanie, myshlenie, tvorchestvo'. *Voprosy sotsial'noy teorii* [Border studies/vs border consciousness, thinking, creativity. In: Scholarly Almanac. Questions of social theory]. 6:63–80. [in Russ.]
25. Bissenova, Alima, ed. 2023. *Qazaqstan: Labirinty sovremennogo postkolonial'nogo diskursa*. Almaty: Tselinny. [in Russ., Kazakh, English]
26. Féaux de la Croix, Jeanne, and Madeleine Reeves, eds. 2024. *The Central Asian World*. London New York: Routledge.
27. Dall'Agnola, Jasmin, and Aijan Sharshenova, eds. 2024. *Researching Central Asia: Navigating Positionality in the Field*. Cham: Springer Nature Switzerland.
28. Spivak, Gayatri Chakravorty. 1988. 'Can the Subaltern Speak?' Pp. 271–313 in *Marxism and the Interpretation of Culture*, edited by C. Nelson and L. Grossberg. Urbana: University of Illinois Press.
29. Pfaff-Czarnecka, Joanna. 2013. 'Multiple Belonging and the Challenges to Biographic Navigation'. *MMG Working Paper* 13–05:7–32.
30. Mignolo, Walter. 2012. *Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking*. Princeton, N.J. ; Woodstock: Princeton University Press.
31. Tlostanova, Madina. 2015. 'Can the Post-Soviet Think? On Coloniality of Knowledge, External Imperial and Double Colonial Difference'. *Intersections* 1(2):38–58. doi: [10.17356/ieejsp.v1i2.38](https://doi.org/10.17356/ieejsp.v1i2.38).
32. Tlostanova, Madina, and Walter Mignolo. 2012. *Learning to Unlearn: Decolonial Reflections from Eurasia and the Americas*. Columbus: Ohio State University Press.

BORDERLANDS OF THE POST-SOVIET SOUTH: CROSSING SPACES WITH AISULUU, A STUDENT FROM KYRGYZSTAN

Anna Novikova

University of the Basque Country, Bilbao, Spain
anna.novikova@gmail.com

Abstract

In this article we get to know a young girl from Kyrgyzstan and a fragment of her story. Aisuluu leaves to study in a neighbouring country, where our student paths intertwine in a big city and on a small campus. My task as a researcher is to leave visible the agency of the person herself as she walks her own paths through life and crosses boundaries within and outside her native social worlds – sometimes relying on the experiences of close people and sometimes departing from them to change the trajectory. Aisuluu has not only had the opportunity to move between the liminalities of bordering cities, close cultures, and intra-regional divisions. She is also learning to navigate the chronotopes of one of the transitory phases of her life: at the moment of our meeting, shortly before the pandemic, an 18-year-old girl is mapping out the route of her adulthood and autonomy.

This is an immersive text that shows the relativity of scales and the importance of micro-levels for understanding deep human and social processes. It is also an invitation to continue searching for meaningful contacts with other regions of the global South and global East, to keep reading postsocialist parallels, intersections and demarcations. At the same time, one should not be afraid to localise the “unlabelled” spaces and borderlands yet to be named as tentative ‘Columbias’ and ‘Americas’ by those who seize the right to outline and mark them. In other words, what matters is a liberating engagement with the multi-layered (semi-)peripheries anchored in that position by global coloniality. The question of knowledge production is the cornerstone here, a reference point that risks falling out of sight when applying out-of-place theories and indulging in non-constructive battles.

Key words: borderlands, decolonial feminism, knowledge production, Central Asia, student migration, liminality.

ПОСТКЕҢЕСТІК ОҢТҮСТІКТІҢ ШЕКАРАЛАРЫ: ҚЫРҒЫЗСТАННАН КЕЛГЕН СТУДЕНТ АЙСУЛУУМЕН БІРГЕ КЕҢІСТІКТІ КЕСІП ӨТУ

Анна Новикова

Баск елінің университеті, Бильбао, Испания
anna.nnovikova@gmail.com

Аңдатпа

Бұл мақалада біз Қырғызстаннан келген жас қызбен және оның тарихи үзіндісімен танысамыз. Айсұлуу көрші елге оқуға кетеді, онда үлкен қалада және шағын кампуста біздің студенттік жолдарымыз байланысады. Менің зерттеуші ретіндегі міндетім - адамның өзінің өмір жолдарымен жүріп, өзінің әлеуметтік әлемдерінің ішінде және сыртында шекараларды кесіп өтетін агенттігін көрінетін етіп қалдыру - кейде жақын адамдарының тәжірибесіне сүйеніп, кейде траекториясын өзгерту үшін олардан бас тарту. Айсұлуу шекара маңындағы қалалардың, жақын мәдениеттердің және аймақшілік бөліністер шегі арасында аралап қана қоймай, ары-бері жүріп-тұрды. Ол сондай-ақ өмірінің транзиттік кезеңдерінің бірінің хронотоптарын шарлауды үйренеді: біздің кездесуімізде, пандемияға дейін, 18 жасар қыз өзінің жетілу және автономия бағытын жасайды.

Бұл - таразылардың салыстырмалылығын және терең адами және әлеуметтік процестерді түсіну үшін микро деңгейлердің маңыздылығын көрсететін иммерсивті мәтін. Бұл мәтін жаһандық Оңтүстік пен жаһандық Шығыстың басқа аймақтарымен мағыналы байланыстарды іздеуді жалғастыруға, постсоциалистік параллельдерді, қиылыстарды және аралықтарды оқуды жалғастыруға, сондай-ақ қауырсын мен қайта атау құқығын иемденетіндер үшін әлі шартты "колумбиялар" және "америкалар" болып көрінетін бар кеңістіктер мен шекараларды локализациялаудан қорықпауға шақыру болып табылады. Басқаша айтқанда, жаһандық отаршылдықпен бекітілген көп қабатты (жартылай)перифериялармен азат ету өзара әрекеттесуі маңыздылығы. Білімді өндіру мәселесі мұнда іргетас болып табылады және "анықтамалық нүктелердің" бірі болып табылады, оны жүйелі түрде бұлыңғыр етеді, оны ұзақ уақыт бойы өз әңгімелерінде немесе конструктивті емес шайқастарда байланыстыруға болады.

Түйін сөздер: шекара, деколониялық феминизм, білім өндірісі, Орталық Азия, студенттік көші-қон, лиминализм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Новикова Анна – докторант, Университет Страны Басков. Адрес: Энпаранца Торрес Кеведо Инхениариарен, 1С, Басурто-Зорроза, 48013 Бильбао, Бискайя, Испания. E-mail: anna.nnovikova@gmail.com

АВТОР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТ

Новикова Анна – Баск елінің университеті, Бильбао. Мекенжай: Энпаранца Торрес Кеведо Инхениариарен, 1С, Басурто-Зорроза, 48013 Бильбао, Бискайя, Испания. E-mail: anna.nnovikova@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anna Novikova – doctoral candidate, University of the Basque Country, Bilbao. Address: Enparantza Torres Quevedo Ingeniariaren, 1C, Basurtu-Zorrotza, 48013 Bilbo, Bizkaia, Spain. E-mail: anna.nnovikova@gmail.com

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Received 22.03.2024
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted 27.03.2024